

БССР
г. Минск
фиг. драмтеатр

апр 1986

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
г. Минск

29 апреля 1986 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Перестройка, начавшаяся в стране и коснувшаяся всех сторон жизни, поступала в душу, сердце каждого из нас. Пытаясь по-новому решать экономические, социальные вопросы, человек постоянно сталкивается и с нравственными, отвечать на которые необходимо, соотносясь с духом времени.

Начну с общеизвестного: трудно составить идеально сбалансированный план, организовать строительные работы

так, чтобы все звенья действовали четко, как в часовом механизме, но, пожалуй, еще труднее разбираться в человеческой сути. К сожалению, никто еще не предложил безупречных тестов, где бы от суммирования простых «да» и «нет» напротив контрольных вопросов можно было безошибочно определить суть человека. А как бы не помешало иметь ключ хотя бы к решению тех психологических, нравственных проб-

лем, которые возникают наиболее часто.

И все-таки, что если попробовать смоделировать наиболее типичное и подыскать ключи решения... А в помощники призвать пьесу Владлена Дозорцева «Последний посетитель» и одноименный спектакль, поставленный в Русском драматическом театре в Минске режиссером Валерием Маслюком.

диктатуры честности. Суть теории не нова. Вот как ее излагает сам Ермаков:

— Вы не понимаете одной вещи. Есть закон больших чисел... Это не только в медицине. Это везде. Это — где хочешь. Между прочим, самый демократичный подход к делу: все — в интересах большинства. Можно думать о человеке, а можно — о людях. Что важнее? Вот у тебя тонет десять пионеров, а

И апеллируют эти дельцы к большому конечным результатам и прочим большим цифрам, потому что именно за безусловным громадьем наших общих целей в наибольшей степени удобно им укрыться, отвлечь внимание от мелко-травчатости собственных помыслов. Проникновение таких людей в коллективы, их имитационная деятельность крайне опасны для морального здоровья других. Деятельность вооруженных современными знаниями мещан в той или иной микросреде, обстановка, которую они создают своим «двоумыслием», может даже на какое-то время тем, кто соприкоснулся с ними, надеть черные очки на глаза.

Жесткие слова обращены на XXVII съезде КПСС в адрес тех, кто тащит в новую жизнь старые пороки: бюрократизм, двурушничество, эгоизм, начетничество, неискренность, кто мешает нашему движению вперед.

О таких людях говорит советские устами посетителя:

— Вам нельзя иметь дело с массами, потому что для вас жизнь одного человека ничего не стоит. У вас вот такая (показывает) дыра в этике. И я вам не верю! Не можете вы болеть интересами большинства — вы ими только прикрываетесь! Нет никаких законов больших чисел — есть нагло-популярный карьеризм и восторг чиновника!

Ключ третий:

О Монблане карьеры и подлинных ценностях

Управленческий аппарат, реорганизация которого идет сейчас интенсивно, притягивает внимание общественности. Как смело врываются на его этажи свежие ветры, что изменяется здесь в глубинных процессах? Какие тенденции, привычки изживаются, какие задачи решаются?

Эти проблемы, выкристаллизовавшиеся в ходе общественного созревания, ставятся и литературой, и театром. Посетитель через всю пьесу проводит мысль автора о том, что демократизация управленческого аппарата, максимальная гласность в его работе — один из тех инструментов, который поможет избавиться от наносного, мешающего нам.

Казмин на протяжении всей пьесы задает однотипные раздраженные вопросы посетителю: «Простите, вы кто?», «Почему именно вы, которого никто не посылал?» «Что вам за дело до чужих забот?» «Вы из системы народного контроля?» «Может, какая-нибудь комиссия?» «Вы не депутат?»

А ведь не это должно беспокоить Андрея Андреевича, а

суть проблемы, с которой пришел посетитель, поиски путей ее разрешения. Но что-то решить здесь, прямо в кабинете, не в его традициях. «Ну, быстрее», — торопит Казмин посетителя с рассказом, чтобы перепоручить, а значит спустить по привычной колее равнодушного чиновничества «очередное»: «Что у вас — приспособление? Препарат? Метод?» Сто раз об одном и том! Неинтересно! (Помните? Он уже давно устал от дел!).

Так поступает он с теми, кто пришел по личным вопросам, а с теми — кто по государственным? Посетитель за Казмина отвечает нам на вопрос, как он ведет себя в другом случае: «Вы же ничего не договариваете до конца! Вы когда-нибудь до конца пробовали?»

В том-то все и дело, что не пробовал, потому что «до конца» — это уже атака, бой, а результат может быть разным. Казмин же зошел во «второй кабинет министерства», чтобы вести беспристрастную личную игру.

Простая эта жизнь: временно сторожить Монблан карьеры и вести корабль через кичущее море общественных дел. Такое раздвоение успехов в работе не способствует. На плаву еще удержаться можно, а вот управлять — вряд ли. Ну покатается такой по волнам — за это ему современники, естественно, не скажут спасибо, а потомки и вовсе подыгнутся: как же так, человеку были предоставлены большие полномочия, чтобы помочь обществу сделать шаг вперед, а он от этого отказался, употребив всю энергию на то, чтобы удержаться под собой стул. Какая мелкая и скучная жизнь!

Да и себя надолго не обманешь. Рано или поздно придется ответить на вопрос: «Что же это было — моя жизнь?» Посетитель размышляет об этом так:

«...Я вот к какому выводу пришел: жизнь состоялась, если она была системной, а не беспорядком. Не кое-как прошла, а твоей волей двигалась и твоей волей управлялась. Почему я ничего не боюсь? Потому что знаю, как хочу жить. Я хочу наводить порядок...»

Вступая на руководящую должность, человек должен иметь выделяющиеся его среди прочих способности, беря бразды правления в свои руки, он обязуется добиваться успеха в руководимом деле, становится еще в большей мере социально ответственным лицом, подчиняющимся диктатуре коммунистической совести.

Именно к ней, диктатуре нашей совести, и обращается автор пьесы. Проблемы, которые затронуты им, перемены, к которым мы стремимся, касаются всех нас, руководителей и не-руководителей. Они наши, общие. Как и дело, которому мы служим.

ДИКТАТУРА СОВЕСТИ

Но в чем солидарны режиссер и автор — это в страстном стремлении убедить зрителей в необходимости включаться, «научаться» преодолевать «сопротивление подобного материала». Потому что сам процесс преодоления недостатков имеет громадное воспитательное действие, заставляет, требует причастности к перестройке общества. Не случайно посетитель, как он сам говорит, «не написал телегу в инстанцию», а добровольно ведет трудное, нервное расследование, неоднократно подчеркивая, что правда, истина всегда, во все времена добывались борьбой и требовали особого мужества.

Позиция посетителя выглядит контрапунктом к довольно распространявшемуся явлению, назовем его так: «сигнал» по почте, зачастую в анонимном порядке. Очень удобная форма! И вроде бы совершил нечто, говорящее о собственной гражданственности, так сказать, «оповестил», и, вместе с тем, не лишился душевного и прочего комфорта. Короче говоря, стал иллюстрацией к ироничному термину — «кухонная принципиальность», которую забирают дома, уходя на работу.

— ...Я только и слышу, говорят: зависит от усилий каждого... Каждый должен быть хорошим... Бороться со злом... Каждый должен! Каждый обязан! Я только это и слышу. Может, мне приснилось? А вы? Вы не читали? Не слышали? Вы сами не говорили?... вот с какими вопросами обращается к нам посетитель.

Посетитель тверд во мнении: не должно быть никаких списываний минусов на плюсы, не бывает нравственной арифметики! За хорошее — награда, за плохое — ответ, причем не столько словесным покаянием, а поступком — творением индивидуальной воли человека.

Другое дело, способен ли человек его совершить, разбудить свою убаюканную совесть. Не каждому это под силу. Разошлись мнения и у автора пьесы В. Дозорцева с режиссером спектакля В. Маслюком по поводу наличия таких потенций у главного героя. Концовка их произведений разная. Литератор показывает своего персонажа как нашедшего в себе силы вернуться к себе самому — лучшему. Режиссер не верит, что этот человек, отдавший себя в лапы этической беспринципности, в состоянии повернуть свою жизнь, построить ее по-новому.

Ключ второй, или О законе больших чисел

Эта моральная теорема была сочинена давно, но интерпретировалась разного рода рационализаторами от нравственности не однажды. В пьесе к ней прибегает Ермаков, помощник зам. министра, тот самый человек, сближение с которым у Казмина началось в момент появления усталости от

Ключ первый, или Кое-что о нравственной арифметике

Фабула сценического действия необычна. К высокому начальнику, заместителю, без пяти минут министру, в день приема по личным вопросам приходит посетитель. И предлагает Андрею Андреевичу Казмину оставить свой пост. Если судить по высоким меркам нравственности, считает посетитель, Казмин не имеет права занимать руководящую должность, принадлежать которая может только кристально честному человеку, имеющему подлинные убеждения, а не декларирующему их лишь потому, что к этому обязывает положение.

Серьезное обвинение. И мы к нему относимся поначалу настороженно, отлично понимая, как сложно примерять реального, земного человека к максимализму лозунгов. Жизнь сложна. И каждый из нас, как говорится, читает ее с листа. Бывает, что и запинается...

Возникает извечный вопрос: имеем ли мы право на ошибку? Как поступать с пресловутой ложкой дегтя в бочке меда? Как научиться отличать ошибки роста, которые лишь закаляют личность, от трусости, себялюбия, от зачастую легко камуфлируемых компромиссов, от агрессивной некомпетентности — короче, всего того, что безусловно ведет к деградации социально здоровой личности.

Автор пьесы предлагает нам решить вместе с его героями подобную нравственную задачу.

— Я пришел на пустое место, — отставляя себя, произносит горячий монолог хирург Казмин, — я этот Центр (занимающийся аортопластикой) носил в голове, как стакан с водой... Боюсь расплескать. Никто не давали людей на стол... Вы делом интересовались? Вы знаете, кто был моим первым пациентом?... Кто контрабандой лег на стол... Женщина, которая стала моей женой... Она ходит с моей заплаткой в груди... Когда ей до вскрытия аорты оставалось несколько дней... У меня на девятом году практики — инфаркт, это от чего? От того, что я искал выгоды? В Центре есть еще люди, с которыми я работал, — вы их спросили?

Да, многие годы подряд, ночью и днем профессор Каз-

мин резал живую плоть, «которая стремилась умереть». Выкраивал, латал, шил по локоть в крови.

— Аортопластика — это не зубы сверлить, — волнуясь, продолжает он, — у вас на аорте — вот такое вздутие, такой мешок с колоссальным давлением крови в стенку. И стенка все тоньше и тоньше. И это уже — бомба в груди! И надо ее обезвредить. И шивать кусок лавсана. И потом вдуть в человека слабую жизнь. А у него — отторжение, несрастание, тромбоз, эмболия, удушье...

Усилий во имя блага человека общество не могло не заметить. Работа врача выдвигается на Государственную премию. Тут-то и таится кульминация разворачиваемых событий. Закачивая свой монолог о лучшем, что сделал в своей жизни, Андрей Андреевич заявляет, что устал.

Стоп! Вот она та грань, тот поворотный пункт, с которого все началось.

Итак, человек устал, достигнув трудной, заветной цели. Его можно понять. А посему дальнейшая честная логика событий должна была бы развиваться приблизительно так: Казмин переходит на новое место работы, соответствующее его ослабшим силам, но где можно быть по-прежнему полезным людям, хотя бы тем, чтобы своим авторитетом помогать полным энергии специалистам двигать дело вперед.

Но в том-то и суть, что слабость почета, внимания, поклонения, которые воздаются за однажды достигнутое, столь велики, что человек решает задержаться (ведь имеет право!), остаться (а почему бы и нет?!), на высоте. Что же касается дальнейшей растраты собственных сил, энергии — то их стоит побережечь (сколько же можно?!).

С изменением философии личности меняются и поступки. Теперь Казмин оперирует больных, которые после операции, он уверен в этом, излечены стопроцентно, и не рискует брать на стол «сложных». Дальше — больше. Всеми правдами, а в основном неправдами, Андрей Андреевич «хоронит» статью молодого журналиста, первым увидевшего его перерождение, и позволяет оклеветать юношу — сломать еще одну жизнь. По законам ценной реакции, рядом с Казминым появляются люди, имеющие